

2. Ю.В. Готье: первые шаги в науке

Юные годы жизни и молодость являются важнейшим этапом формирования человеческой личности. Именно в это время складываются предпосылки для выбора профессии, склонность к той или иной деятельности, делаются первые шаги в профессии. Поэтому данный период жизни Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина не может не быть освещен.

Самым старшим по возрасту из перечисленных историков был Готье. Он родился 18 июня 1873 г. в семье известного книготорговца французского происхождения Владимира Владимировича (Вольдемара Габриэля) Готье. Таким образом, достаточно благополучное детство способствовало развитию талантов будущего историка. Большое влияние на сына оказывала его мать, Наталья Степановна, урожденная Варсонофьева. Именно ей он был обязан первым знакомством с историей. По воспоминаниям Готье, его мать очень хорошо знала историю и много читала сыну различную историческую литературу¹.

Его годы учебы прошли в престижной частной гимназии Краймана, где на мальчика значительно повлиял преподаватель истории Петр Павлович Мельгунов (отец известного впоследствии историка и издателя С.П. Мельгунова²), который когда-то учился вместе с Ключевским на одном курсе. По словам Готье, именно Мельгунов укрепил в нем склонность и вкус к истории. В архиве будущего историка сохранилось школьное сочинение «Реформа Петра Великого. Ее значение. Причины, вызвавшие ее. Ее подготовка до Петра. Ее характер»³. В нем Готье рассматривал петровские преобразования в русле концепции С.М. Соловьева о переходе в «зрелый стан» русского общества. Обращение к работам классика исторической науки свидетельствует о знакомстве ученика с научной литературой, в чем, видимо, была немалая заслуга его учителя.

После окончания гимназии Готье не сомневался, что поступит в Московский университет на историко-филологический факультет. Но отец хотел видеть в сыне наследника его книжного дела, поэтому перед поступлением он поставил ему условие, что тот должен посвятить свое свободное время изучению работы книготорговца⁴.

В 1891 г. он становится студентом историко-филологического факультета. Сначала преподавание в университете несколько разочаровало

¹ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 554.

² Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 16.

³ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 62.

⁴ Готье Ю.В. Университет... С. 555.

молодого человека, но затем он окунулся в атмосферу научного поиска. Первым преподавателем, оказавшим неизгладимое впечатление на Готье, был П.Г. Виноградов. В его семинаре, посвященном истории античности, он впервые учился технике научно-исторического исследования. Это было «отличной подготовительной школой для дальнейших самостоятельных занятий»¹. Более того, по признанию Готье, он вскоре стал «виноградовцем», попав под обаяние его семинариев и лекционных курсов. Но достаточно быстро его интерес захватила русская история, чему в определяющей степени способствовали лекции Ключевского.

О Ключевском Готье слышал еще до поступления в университет. О знаменитом профессоре уже давно шла слава по всей стране, и многие специально поступали на историко-филологический факультет, чтобы учиться у него. Захватили лекции мэтра и молодого историка, их высокохудожественность только подкрепляла внимание. «Казалось, что он [Ключевский. — В.Т.], говоря о деталях и явлениях русской истории, рассказывает о лицах и событиях, им лично виденных»². Меньшее значение сыграли семинары Ключевского, которые «были, в сущности, также лекциями, но лекциями специальными»³. Недостатки семинаров Ключевского компенсировались занятиями у П.Н. Милюкова. «Именно милюковский семинар имел решающее значение для всей моей жизни... Преподавание Милюкова... имело для меня не меньшее значение, чем курс Ключевского»⁴, — писал впоследствии Готье. Большое впечатление произвела на историка и книга Милюкова «Очерки по истории русской культуры», которую Готье считал очень ценным дополнением к курсу Ключевского. Под руководством Милюкова молодой историк написал свою первую крупную историческую работу «Оборона южных границ Московского государства в XVI в.», тогда же и созрело окончательное решение стать специалистом по отечественной истории.

На четвертом курсе Готье как участник семинариев Виноградова и Милюкова вошел в кружок молодых историков под руководством П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова и С.Н. Трубецкого. Первый стал председателем кружка. По воспоминаниям Готье, заседания кружка оказали сильное влияние на формирование его «научного мировоззрения»⁵.

Работу об обороне южных границ, начатую в милюковском семинаре, Готье предложил в качестве выпускного сочинения, расширив

¹ Там же. С. 561.

² Там же. С. 565.

³ Там же. С. 566.

⁴ Там же. С. 567–568.

⁵ Готье Ю.В. Профессор Александр Николаевич Савин // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 185.

хронологические рамки до конца XVII в. Окончательно название исследования звучало «Оборона степных границ Московского государства в XVI и XVII столетиях»¹. В качестве основного источника автор активно использовал опубликованные, но мало изученные, разрядные книги. В сочинении начинающий историк отметил основные тенденции борьбы за степные просторы и их освоения. Он тесно связал оборону границ с внешней политикой Московского царства.

По мнению автора, «характер всей русско-татарской борьбы после 1480 г. может быть определен одним словом: это неуклонное наступательное шествие на юго-восток»². Наступление это носило очень осторожный и в целом оборонительный характер, позволяя, впрочем, решать основные государственные задачи. Готье выделил в истории обороны южных границ несколько этапов. Первый — 1480–1552 гг. — от освобождения от татаро-монгольского ига до взятия Казани. Этот этап он назвал Казанским, поскольку именно Казанское ханство являлось и главной проблемой, и главной целью московской политики. Второй этап — с 1552 по 1613 г. — характеризуется началом борьбы с Крымским ханством и усиливающейся правительственной колонизацией степи. Третий период — 1613–1637 — время восстановления Московского государства после Смутного времени и отказа от интенсивного освоения степей. Наконец, с 1637 г. начинается период «усиленной постройки городов на Юге и окончательного заселения Польской уkraine и колонизации Слободской Украины»³.

На первом этапе борьбы соотношение сил было уже в пользу русского государства. «Отношения Москвы к Казани — отношения сюзерена к вассалу, и при том сюзерен строг, требователен и знает, что рано или поздно вассал вполне подчинится ему»⁴. Таким образом, присоединение Казани, по мысли автора, было предопределено.

Автор тесно связал борьбу с Казанью и особенно с Крымом с международными отношениями. По его замечанию: «Характерная черта Московско-Крымских отношений изучаемого времени — тесная связь их с отношениями Москвы к Польско-Литовскому государству»⁵. Борьба с Крымом оказалась гораздо сложнее для русского государства, поскольку он «был слишком далек от Москвы и слишком силен своим географическим положением, своими связями с Турцией и отчасти с Литвой»⁶.

¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 19.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 4 об. — 5.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 9 об.

⁶ Там же. Л. 24 об.

Огромное значение в обороне южных границ Готье отводил колониационным процессам. По его мнению, лидером в колонизации юга было правительство (правительственную колонизацию он даже называет «правильной»¹). Именно государство организовало станичную пограничную службу, которая, по словам автора, уже сформировалась к середине XVI в. И именно государство было инициатором строительства сети укрепленных городов на границе. Градостроительство, в концепции Готье, стало ключевым фактором успешного освоения южных степей². Большую роль в обороне играли служилые татары. Поворотным моментом в защите границ стало начало строительства в 1637 г. пограничной черты, которая позволила проводить систематическую колонизацию южных земель³. Сроком окончания борьбы, по мнению автора, «можно считать конец 70-х гг. [XVII в. — В.Т.], когда была укреплена Белгородская черта»⁴. Окончательно крымские набеги прекратились после походов В.В. Голицына.

Таким образом, в концепции автора определяющими факторами обороны границ стали строительство засечных черт и постепенная колонизация. Этот тезис нашел подтверждение в последующих исследованиях⁵, став неотъемлемой частью наших представлений об освоении Юга России. В данном случае обращение к теме обороны границ государства в контексте колониационных процессов, очевидно, должно рассматриваться как продолжение традиций Московской исторической школы, где колонизация признавалась наиболее значительным фактом русской истории.

Работа получила высшую оценку «весьма удовлетворительно». Государственные экзамены также были сданы весьма успешно: за все были получены высшие балы. Вспоминая об экзаменах, Готье писал: «Несмотря на неприятные моменты, на требовательность и не слишком приятное отношение к нам председателя комиссии [казанского профессора-классика Д.Ф. Беляева. — В.Т.], это было все-таки светлое, живое время, время молодой борьбы за достижение цели — победоносно пройти через комиссионные препятствия»⁶. Экзамены закончились дружеским ужином с П.Г. Виноградовым.

По окончании университета Готье пришлось приложить немало усилий, чтобы его оставили «для приготовления к профессорскому званию»

¹ Там же. Л. 109.

² Там же. Л. 12 об. — 13, 34 об. — 35.

³ Там же. Л. 91.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Например, капитальная монография А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (М.; Л., 1948).

⁶ Готье Ю.В. Профессор Александр Николаевич Савин... С. 186.

при кафедре отечественной истории. По воспоминаниям историка, большим препятствием для этого было то, что Ключевский слишком плохо его знал, поскольку во время его обучения в университете длительное время отсутствовал, преподавая историю наследнику престола в Аббас-Тумане¹. Тем не менее необходимое знакомство состоялось. Академическую карьеру Готье на некоторое время прервала необходимость службы в армии. С 1895 г. по осень 1896 г. молодой историк отслужил один год в армии, после чего сразу же напомнил о себе Ключевскому, который в конце концов стал его научным руководителем. Как признавался Готье, поначалу их отношения складывались не самым простым образом. Ключевский не любил, когда ему докучали различными вопросами. Впоследствии начинающий ученый решил, что таким образом руководитель приучал их к научно-исследовательской самостоятельности. Его лозунгом было «Сам доходи!». «Не бояться черновой работы, доходить самому до первичной формы исторических известий, научиться самому ориентироваться в специальной литературе — таковы были требования, которые он [Ключевский. — В.Т.] предъявлял к начинающим свою ученую деятельность молодым людям»², — писал Готье. Надо отметить, такая манера руководства одними принималась, а у других, например у Милюкова, вызывала отторжение, как Готье ее принял. Кроме того, недостатки такого метода работы в некоторой степени компенсировались частыми непринужденными беседами с учителем. «Час такой беседы стоил многих недель работы»³, — считал молодой историк. С этого времени он начинает систематически готовиться к сдаче магистерских экзаменов. Для успешной сдачи экзаменов необходимо было проработать огромное количество источников и литературы не только по русской истории, но и по отдельным вопросам истории всемирной. Процесс напряженной подготовки к сдаче отражают многочисленные конспекты и планы подготовки к экзамену, сохранившиеся в архиве⁴.

Параллельно с этим, он некоторое время проработал сотрудником Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ)⁵. Здесь с января 1897 г. по май 1898 г. Готье работал в описательном отделении и занимался разбором столбцов Московского стола. Вероятно, именно тогда у историка сформировался устойчивый интерес к архивной теории

¹ Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Воспоминания и характеристики. М., 1912. С. 178.

² Там же. С. 181.

³ Там же.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 83. (Ю.В. Готье) П. IX–X.

⁵ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 66; Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999. С. 495.

и практике. 29 декабря 1896 г. он избирается членом Археографической комиссии Московского археологического общества¹.

В 1897 г. начинающий ученый совершил поездку в Швецию для ознакомления с работой архивных учреждений, хотя впоследствии и признавался: «Цель моего посещения Стокгольма была скорее туристической»². Историк посетил стокгольмский и несколько провинциальных архивов. Кроме изучения шведского архивного опыта, он намеревался найти документы по русской истории. Поиски увенчались успехом, и Готье напечатал несколько наиболее интересных источников в российских научно-исторических изданиях³.

По впечатлениям от поездки он опубликовал в 1898 г. статью о работе Стокгольмского государственного архива, которая в 1911 г. была снова перепечатана⁴. Подчеркнув, что «судьба архивоведения в Швеции тесно связана с историей Стокгольмского государственного архива»⁵, ученый подробно рассмотрел историю, материальное обеспечение деятельности архива, систему хранения и режим доступа к документам. В статье он выступил сторонником централизации архивного дела, поскольку считал, что четкая, централизованная система функционирования архивохранилищ как центральных, так и провинциальных будет способствовать их развитию⁶. (В таком же свете историк видел и дальнейшую эволюцию архивного дела в России, что подтверждают и все его дальнейшие высказывания о путях развития отечественных архивов.) Готье подошел к проблеме архивов как профессиональный историк, которого в архивной системе интересуют в первую очередь практическая сторона дела, возможность использовать архивные богатства в научных исследованиях.

Необходимо отметить, что историк и впоследствии старался поддерживать контакты со Стокгольмским государственным архивом. В 1902 г. он снова посетил Швецию. Активную роль Готье сыграл в передаче швед-

¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 64.

² Там же. Д. 36 а. Л. 2 об.

³ Готье Ю.В. Смоленские акты из семейного архива гр. Брахе // Древности. Труды Московской археографической комиссии. М., 1897. Т. 1. Вып. 1; *Он же*. Известия Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки. 1899. № 3–4. С. 65–98.

⁴ Готье Ю.В. Стокгольмский государственный архив // Древности. Труды Археографической комиссии Императорского московского археологического общества. М., 1898. Т. 1; *Он же*. Стокгольмский государственный архив // Сборник статей по архивоведению. СПб., 1911. Т. 1, ч. 2. С. 95–128. (Ссылки даются на последнее издание).

⁵ Готье Ю.В. Стокгольмский государственный архив // Сборник статей по архивоведению... С. 98.

⁶ Там же. С. 127.

скими архивистами Румянцевскому музею, куда он поступил на службу 5 декабря 1898 г.¹, источников о смоленской осаде в Смутное время. Именно его связи позволили выписать эти документы для копирования непосредственно в России, сделав их достоянием российской научной общественности. В Румянцевском музее Готье проработал более четверти века. Последовательно занимая должности ученого секретаря, хранителя Отделения древностей, библиотекаря, главного библиотекаря, заместителя директора, заведующего Отделением истории России — СССР². Отзывы о работе Готье были неоднозначными. Кто-то отмечал его высокий профессионализм и заинтересованность в работе, кто-то, наоборот, халатность. Так, известный библиотекарь Н.Н. Ильин, служивший с Готье, впоследствии вспоминал: «Руководителем библиотеки Румянцевского музея состоял тогда проф. Ю.В. Готье... Отпрыск владельцев старой книготорговой фирмы на Кузнецком мосту, француз по происхождению, Готье сверкал национальным галльским остроумием, которое в частной беседе зачастую отзывалось примесью чисто русского навоза. Так, касаясь своих обязанностей по библиотеке, Готье откровенно говорил, что ему на это „наплевать“, лишь бы не тревожили. Не лишенный административных способностей и умения разбираться в людях, он следовал этой программе с успехом и безнаказанностью»³. Возможно, Ильина раздражало то, что Готье совмещал большое количество должностей в различных учреждениях, отдавая предпочтение научной деятельности в ущерб музеям. Иного мнения придерживался директор музеев, князь В.Д. Голицын, всегда поддерживавший ученого. При Готье вновь началось создание инвентарных описей библиотечных фондов, упорядочены журнальные и газетные фонды⁴. Историк был одним из тех, кто стоял у истоков «Общества друзей Румянцевского музея», созданного в 1913 г.⁵ Параллельно с работой в музее историк преподавал в Московском университете, где, прочтя две пробные лекции на темы «Земские соборы при Грозном и их происхождение» и «Очередные задачи в изучении писцовых книг»⁶, в 1903 г. занял должность приват-доцента⁷.

¹ *Отчет* Московского публичного и Румянцевского музеев за 1898 г. М., 1899. С. 112; АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

² АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

³ Цит. по: *Андреева О.В., Кугляковская Л.И.* Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н.Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 9.

⁴ *Коваль В.Д.* Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 103.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. М., 1994. С. 122.

⁷ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

Расхожим мнением среди историографов является мысль о том, что историк не может отгородиться от общественно-политических страстей, бушующих вокруг него. Во многом этому способствует и особый социальный статус самой исторической науки, постоянно оказывающейся в центре политических дискуссий. Выше отмечалось, что московские историки, не в пример петербургским, отличались повышенным интересом к политике. Поначалу восприняли такую модель поведения и их младшие коллеги. Так, Готье после возвращения из армии включился в общественно-политическую жизнь страны, вступив в партию кадетов. В 1905 г. он примкнул к партии конституционных демократов, но «вышел из ее рядов уже весной 1906 г. из-за тактических разногласий, связанных с Выборгским манифестом»¹. Тем не менее он достаточно активно принимал участие в организации и проведении публичных чтений². Впоследствии он признавал, что политическая деятельность мало его интересует: «Я не политический деятель, у меня нет для этого темперамента... Ни Милюков, ни Кизеветтер, ни иные мои знакомые не нашли для меня дела в к.-д. партии; а... тем временем я сам в ней разочаровался и после выборгского воззвания сам вышел партии... и на всю жизнь стал „диким“... Все, что я могу сказать, настолько не вяжется с „лозунгами“ царствующих самодержцев идиотизма, что и с этой стороны распространение моих мыслей в данное время было бы и затруднительно и бесполезно. Остаются частные разговоры и учебная аудитория, где я всегда старался быть объективным и никогда не говорил того, чего я сам не думаю»³. Таким образом, он сделал выбор в пользу научно-преподавательской карьеры.

3. С.Б. Веселовский: от юриста к историку

Всего на три года младше Готье был Степан Борисович Веселовский, но его путь в историческую науку был гораздо извилистее. Он родился 4 сентября 1876 г. в дворянской семье⁴. Доход Веселовских был небольшой, но позволял жить безбедно. Маленький Степан рано овладел грамотой, чему в немалой степени способствовало то, что его отец, Борис

¹ Эммонс Т. Ю.В. Готье и его дневник // Ю.В. Готье Мои заметки. М., 1997. С. 8.

² Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов. (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) / Публикация М.Г. Вандалковской, А.Н. Шаханова // Российский архив. Т. V. М., 1994. С. 372.

³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 17.

⁴ О предках и семье Веселовского см.: С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010.